

(ПП: В 49-й главе «Троецарствия» повествуется о том, что Чжугэ Лян в середине зимы совершил ритуал, чтобы заимствовать юго-восточный ветер на три дня и три ночи, что помогло Чжоу Юю победить армию Цао Цао с помощью огня. В настоящее время выражение «заимствовать восточный ветер» часто означает воспользоваться благоприятной ситуацией или передовым опытом других подразделений для продвижения работы.)

Сюн Чжуаншань привёл Тан Шоу к Чжоу Хэ — подобное дело ни с официальной, ни с личной точки зрения невозможно было обойти без ведома сельского старосты. Когда Тан Шоу озвучил своё намерение устроить тёплые лежанки для всех одиноких стариков деревни бесплатно, староста застыл на месте, надолго лишившись дара речи.

— Ты... что ты сейчас сказал?.. — переспросил он, губы его задрожали, а глаза засветились с пугающей яркостью. — Ты хочешь бесплатно устроить лежанки для одиноких деревенских стариков?

— Да, — спокойно ответил Тан Шоу, — но при одном условии: только если эти старики действительно остались без детей. Не потому, что их дети уехали на заработки, и не потому, что они были изгнаны из дома неблагодарными детьми и теперь живут отдельно. Я не буду помогать тем, у кого есть живые дети, пусть даже это одна-единственная дочь, которая после замужества оставила старика в деревне одного. Забота о родителях — это обязанность детей. Если они, будучи дочерьми, считают, что с выходом замуж можно сбросить с себя эту ответственность, то уж тем более я, посторонний человек, не должен брать её на себя.

Помощь — это хорошо, но она не должна быть слепой и беспредельной, лишённой разумных границ. Иероглиф 人 (человек) складывается из двух черт, опирается на землю и тянется к небу, — значит, каждый должен стоять прямо и нести то, что ему положено по жизни.

Он может помогать тем, кто действительно вызывает сочувствие, но он не станет потворствовать чёрствым сердцем и дурному нраву.

— Разумеется, — горячо откликнулся Чжоу Хэ. — У кого есть дети — пусть к ним и идут.

Для него, уроженца деревни Синхуа, это дело имело совсем другой, личный смысл. Он вырос здесь, с большинством местных одиноких стариков был ровесником, разница в возрасте — максимум несколько лет. В детстве они играли вместе, делили хлеб и озорство — словом, были настоящими друзьями детства, и узы между ними были крепки и глубоки.

Теперь, глядя на то, как одинокие старики в деревне живут в бедности, заброшенные и без опоры, Чжоу Хэ и сам чувствовал тяжесть на сердце. Иногда, в тишине, украдкой смахивал слезу. Но времена нынче тяжёлые, в каждой семье — своя нужда, и у него самого на плечах большая родня, о которой нужно заботиться. Всё, что он мог — это по мелочи помогать, чем придётся.

А теперь, когда Тан Шоу вызвался бесплатно устроить лежанки для этих стариков, в сердце Чжоу Хэ поднялась волна волнения. После смерти бабушки У он всерьёз начал бояться, кто будет следующим. А если удастся обустроить для стариков тёплые каны, может быть, в эту зиму никто больше не погибнет от холода.

— Тогда попрошу вас, господин староста, составить список одиноких стариков, у кого нет ни детей, ни опоры, — сказал Тан Шоу. — Когда будет список, я сговорюсь с мужем, и мы постараемся поскорее устроить им каны.

— Не нужно ждать, я прямо сейчас могу дать тебе этот список, — поспешно откликнулся Чжоу Хэ. — Кто и как живёт в Синхуа, я знаю лучше, чем они сами.

— Сейчас в деревне под твои условия подпадает всего три двора. Один — это старый холостяк. Он перебрался сюда в зрелом возрасте, когда бежал от голода. Ни дома, ни земли, ни гроша за душой — кто ж отдаст за него молодую девку или шуанъэра? Так и прожил один. Вторая семья — старики-охотники. Была у них единственная надежда — сын, но несколько лет назад он пошёл в горы, на охоту, и столкнулся с тигром. Погиб, а отец хоть и выбрался, но с того дня с больной ногой. Теперь они с женой — никому не нужные старики. А третья — это дом бабушки Чжан. Ты и сам знаешь её судьбу: осталась одна, с приёмным внуком на руках.

Тан Шоу кивнул. Эти три семьи действительно соответствовали его условиям. Он пообещал, что в ближайшие дни устроит им лежанки — как только Сюн Тэ и Сюн Чжу закончат с уже заказанными работами.

Хотя способ устройства тёплой лежанки Тан Шоу и собирался обнародовать, это вовсе не означало, что он просто выложит его на всеобщее обозрение и начнёт обучать каждого встречного. Он ждал подходящего повода — такого, который позволит и распространить знание, чтобы оно принесло пользу как можно большему числу людей, и одновременно обеспечит ему заслуженное признание. В голове у него уже зрела определённая задумка, оставалось лишь дождаться нужного момента.

— Господин уездный судья, а ведь эта лежанка и впрямь — диво как хороша! — с нескрываемой завистью в голосе произнёс помощник уездного судьи, Лю Дун, пришедший с докладом. — Говорят, стоит её натопить — держит тепло всю ночь, а утром под одеялом, если потрогать — всё ещё горячо.

Глаза у него блестели — он всерьёз положил глаз на кан, что установили в доме уездного судьи. Правда, цена в пять лян за одну лежанку больно кусалась. Он колебался, жалея денег, но чем больше думал о пользе, тем решительнее становился. Собрался с духом, решил заказать, но когда слуги пошли договариваться — оказалось, что очередь уже выстроилась не на шутку. Даже при такой цене люди толпами записывались, а кое-кто, чтобы поскорее спать в тепле, предлагал и вовсе надбавку.

Юйлинь был бедным уездом, здесь нельзя было урвать много наживы. Так что если судья и его помощник не были откровенными вымогателями, живущими за счёт народа, то и жизнь у них шла не слишком роскошно. Потому цена в пять лян за лежанку ещё была для них приемлема, но платить сверх того — ради каких-то глиняных кирпичей, которых с приходом весны и так будет полно — уж увольте. Это казалось бессмысленной тратой, и потому в доме помощника до сих пор не было ни одной такой лежанки.

Зато самому уездному судье, под взглядом Лю Дуна, полным зависти и тоски, на своей тёплой лежанке вдруг стало лежать ещё уютнее.

— Господин судья, — заискивающе начал помощник, — у вас ведь в главной спальне ещё не установлена лежанка? Когда планируете?

Уездный судья с первого взгляда понял, к чему тот клонит, и с видом надменного превосходства фыркнул, как бы говоря: «Вот ещё!»

Секретарь, стоявший рядом, тут же подхватил льстивым тоном:

— Господин судья, ведь вы с мясником из семьи Сюн хорошо знакомы. Стоит вам только сказать — он непременно уважит ваше слово и, отбросив остальных, сперва устроит лежанку вам. А раз уж вам всё равно придётся идти, почему бы заодно и нас с собой не взять? Мы, уж поверьте, отблагодарим, как следует — и по службе, и по делу, вечно будем при вас.

Уездный судья, и сам давно подумывавший об этом, оказался в весьма благодушном расположении духа, и, услышав лесть, принял её с удовлетворением. Улыбнулся лениво, не слишком тепло, но и не холодно:

— Умеете же вы подлизываться. Только говорю сразу — платить за лежанки всё равно придётся. Пять лян за штуку, и не думайте, будто я смогу выпросить их бесплатно. Мне и так уже хватило наглости, что я, не переплачивая, через знакомство влез в очередь вперёд других.

— Само собой, само собой! — закивали оба, торопливо соглашаясь. — За работу — плата, тут и говорить не о чем.

Уже в гражданской одежде, в сопровождении помощника, секретаря и нескольких охранников, также переодетых в простое, уездный судья отправился в деревню Синхуа.

Он ожидал увидеть унылый, промёрзший до костей уголок, полный безмолвия и нищеты. Однако увиденное его удивило: вовсе не так. Наоборот — у самого въезда в деревню группами стояли люди, болтали, обсуждали что-то с живым интересом.

Вскоре к ним подъехала телега, запряжённая волом, на которой везли глиняные кирпичи. На повозке сидели несколько мужчин, что-то оживлённо обсуждая. Но больше всего поразило то,

как местные относились к этим рабочим — в их взглядах читались уважение и даже... заискивающая лесть.

Уездный судья был ошеломлён и, не удержавшись, воскликнул:

— Да что же это делается? С каких пор эта крохотная деревня Синхуа так разбогатела, что даже может позволить себе тёплые лежанки по пять лян за штуку?

Помощник был не менее поражён:

— Быть такого не может! Насколько мне известно, до семьи Сюн в деревне лишь семья Ло торговала тофу, и то — только по местным меркам жила чуть лучше остальных. Но чтобы позволить себе лежанку за пять лян — это уж точно не по их средствам.

— Пойдём, — решительно сказал уездный судья, — пойдём к Сюнам, сами разберёмся, в чём тут дело.

У ворот дома семьи Сюн стоял шуаньэр, у которого поверх тёплой ватной одежды была накинута безрукавка из волчьей шкуры. Но сильнее всего взгляд притягивали его сапоги — модели, доселе не виданной. Они были непривычно массивные, сразу видно — куда теплее тонкоподшвенных сапог, что носили они сами.

— Простите, это дом семьи Сюн-эрлана? — поинтересовался уездный судья.

Братья Сюн Тэ и Сюн Чжу как раз в эти дни, едва расправившись с несколькими заказами от клиентов из уезда, чьи авансы было уж точно не отвергнуть, вернулись в деревню и везли глиняные кирпичи, чтобы установить лежанки у трёх одиноких стариков.

Тан Шоу только что проводил братьев и ещё не успел повернуться обратно, как услышал, что кто-то ищет их дом. Завидев группу нарядно одетых людей с достойной осанкой и сопровождающих, явно похожих на стражу или охрану, он подумал, что это, вероятно, кто-то из зажиточных и знатных родов.

— Да, это дом семьи Сюн-эрлана, — вежливо ответил он. — Я его фулан. Не подскажете, кто вы и по какому делу прибыли?

Не успел уездный судья представиться, как из внутреннего двора раздались тяжёлые шаги — Сюн Чжуаншань, услышав, что к дому пришли гости, быстро вышел навстречу.

— Господин уездный судья? — удивлённо воскликнул он.

Тан Шоу на миг опешил, а затем, быстро сообразив, радушно улыбнулся и пригласил их в дом:

— Ах, так это действительно господин уездный судья! Прошу, проходите! За ту прошлую помощь вам мы до сих пор безмерно благодарны.

— Не стоит, не стоит, — ответил уездный судья, чуть смущённо отмахнувшись.

В прошлый раз он действительно сильно помог семье Сюн — не только в ту же ночь ускоренно оформил все нужные бумаги, но и разобрался с теми, кто пытался вставлять палки в колёса, даже докопался до тех, кто стоял за этими кознями. Пусть даже он сделал это из уважения к Чжэнбэй-вану, — всё равно это был огромный долг признательности.

Гостей проводили в дом, угостили несколькими чашками воды с мёдом. Уездный судья, оглядевшись, первым нарушил молчание:

— Когда мы шли, заметили телегу, нагруженную глиняными кирпичами, она как раз заезжала в глубину деревни. Не подскажите, в чей дом везли такую роскошь?

— Несколько дней назад в деревне замёрзла одна старушка, — ответил Сюн Чжуаншань. — У моего фулана сердце доброе, вот он и решил устроить тёплые лежанки для тех немногих стариков, у кого нет детей, кто совсем один. Мы слабы и силы наши ограничены, можем помочь только этим.

В глазах у уездного судьи на мгновение мелькнул блеск, что-то едва уловимо промелькнуло — то ли сожаление, то ли стыд, а может, он был просто по-человечески тронут.

Тем временем Тан Шоу принёс несколько тарелок с ореховым печеньем, аккуратно поставил перед гостями и с лёгкой улыбкой добавил:

— Это мы сами дома испекли. Господа, прошу, не сочтите за дурной вкус — отведайте, если не брезгуете.

— Сладости из дома Сюн славятся во всём уезде Юйлинь, — с улыбкой отозвался уездный судья. — Нам повезло попробовать, разве такое можно назвать обузой?

Тан Шоу не спешил уходить, присел рядом, внимательно наблюдая за уездным судьей. По тому, как тот только что отреагировал на рассказ о лежанках для стариков, было видно: это не бессердечный чиновник, пренебрегающий жизнями простого люда. В его душе ещё теплилось что-то человеческое.

За все эти годы в Юйлине он, может, и не совершил великих дел, но и лютой несправедливостью не отметился. А в столь бедном уезде, как Юйлинь, уже само по себе достойно уважения. Здесь везде нищета, и если чиновник не гнобит народ, то и нажиться ему особо не на чем. Именно потому те, кто пытались подставить семью Сюн, даже не сочли нужным договариваться с самим уездным судьей — хватило, что подкупили пару мелких

служащих в ямене. Бедность делает людей сговорчивыми: малейшая выгода затмевает совесть.

Сам же уездный судья, как человек, в целом неплох — с остатками совести, с ещё живым чиновничьим сердцем. А с такими людьми можно говорить. И с такими можно договариваться.

— Ремесло Сюн-фулана и впрямь искусное, — поддержал разговор магистрат, отламывая кусочек печенья. — Неудивительно, что им восхищаются юные господа и барышни из знатных домов. Мне оно тоже весьма по вкусу.

— Благодарю за добрые слова, господин, — с учтивой улыбкой ответил Тан Шоу, и, будто между прочим, но с тонким прицелом, осторожно добавил: — Слышал я, что вы — чиновник из самого Дунцзина. Там, говорят, еда изысканная, на любой вкус. Если даже вы, привыкший к той столичной роскоши, находите мои скромные изделия вкусными... что ж, у меня есть повод для тихой гордости.

Услышав упоминание Дунцзина, в глазах уездного судьи ясно вспыхнула волна горечи и разочарования. Но он быстро справился с собой и с улыбкой ответил:

— Я вовсе не дунцзинец. Родом из крестьянской семьи, прошёл через экзамены, а уже потом получил назначение в столице. Так что назвать меня настоящим столичным человеком нельзя. Но, должен признать, ваше мастерство, Сюн-фулан, ничуть не уступает изысканным сладостям, что я пробовал в Дунцзине.

Пара коротких фраз — а Тан Шоу уже почти понял, в чём суть. Этот уездный судья, по всей видимости, когда-то прибыл в столицу без поддержки крупных кланов и знатных родов. Вероятно, наступил кому-то на ногу, вот и был сослан в глухой и бедный уезд, где таланты увядают, а честолюбие с каждым днём становится всё горше. Видно было, что он подавлен, чувствует себя незаслуженно низведённым, но огонь в нём ещё не погас — он всё ещё мечтает вернуться в столицу.

А если у человека осталась такая цель — то, что бы ни побуждало его к действиям, их пути с Тан Шоу могли сойтись. Один искал заслуг, другой — громкой славы. А цель в итоге одна — признание.

— Прошу простить за смелость, — мягко, словно между делом, произнёс Тан Шоу, подливая уездному судье ещё немного медовой воды. Наклонившись ближе, он прошептал так, чтобы услышал только собеседник: — Осмелюсь спросить, осталась ли у господина надежда вернуться в Дунцзин? Быть может, простой деревенский человек вроде меня способен в этом немного помочь.

Уездный судья остолбенел. Он прямо и пристально уставился на Тан Шоу. Первая мысль, что мелькнула у него в голове, — за спиной у семьи Сюн стоит сила. Та, что держит под контролем самую верхушку столицы. Та, что носит одну фамилию с императором. Если они действительно захотят помочь, то возвращение в Дунцзин — вовсе не невозможная мечта.

А если вернётся... Если он снова ступит в те залы, где когда-то над ним насмехались, в глаза бывших коллег, что толкали его в спину и радовались падению, будет смотреть уже он. Лишь представив себе это, уездный судья ощутил, как в груди поднимается жаркая волна — кровь взыграла, сердце забило сильнее.

Уездный судья обернулся к сопровождавшим его чиновникам и распорядился:

— Раз уж мы пришли в Синхуа и столкнулись с таким делом, нельзя делать вид, будто ничего не было. Ступайте к тем самым одиноким старикам, поговорите с ними, а заодно передайте старосте и деревенским, чтобы всемерно помогли семье Сюн. Пусть знают: нам, служителям закона, и вправду не безразлична их судьба.

Помощник и секретарь поняли всё без лишних слов — времени терять не стали, поклонились и поспешили прочь.

Как только за ними закрылась дверь, уездный судья тут же сбросил с лица маску сдержанности и прямо сказал:

— Если эрлан из семьи Сюн сможет замолвить за меня слово перед Чжэнбэй-ваном и выхлопотать мне путь назад в Дунцзин — я в долгу не останусь. Отплачу всем, что смогу.

Но Тан Шоу лишь покачал головой:

— Просьбы — это всегда зависимость. Гораздо надёжнее полагаться на самого себя. Господин уездный судья, а вы не думали о том, чтобы самому проложить себе дорогу?

Уездный судья горько усмехнулся, с неохотой ответив:

— Не стану скрывать: я во сне и наяву мечтаю о возвращении в столицу. Но уезд наш беден до крайности, и я не из тех, кто грабит народ ради выгоды. Где же мне взять деньги, чтобы налаживать связи, платить за продвижение? Никто ничего просто так не сделает. А раз так — как же мне туда вернуться?

Тан Шоу взглянул на него спокойно и сказал:

— А если бы вы сделали нечто великое? Дело, которое спасло бы множество жизней и стало бы известным повсюду — разве не послужило бы это прочным мостом для вашего возвращения в столицу?

— Конечно, это бы помогло... — начал было уездный судья, но в полуслове осёкся и широко раскрыл глаза, уставившись на Тан Шоу. Умный человек всё понимает с полуслова — и сейчас он уже понял, к чему клонит его собеседник.

Каждую зиму по всей стране от холода умирают тысячи людей — крупные города и округа один за другим направляют в столицу устрашающие цифры. Императорский двор уже давно ломает голову над этой проблемой, но действенного способа так и не найдено. Всё, что остаётся — призывать местные власти укреплять экономику и повышать уровень жизни простого люда, надеясь таким образом уменьшить число жертв.

А если вдруг в его уезде, в этом беднейшем Юйлине, благодаря его управлению окажется, что не погиб от холода ни один человек — или лишь немногие, — разве это не произведёт впечатление? На фоне других городов с тысячами смертей бедный уезд, где всё спокойно — это будет громкий знак. Это значит, что здесь управляет человек способный, разумный, достойный больших назначений. Его непременно заметят, его имя поднимется. И не только во дворце, но и в народе — молва быстро разнесёт его добрую славу.

А что ещё нужно чиновнику? Кто из них не мечтает о всенародной славе, чтобы их имя поминали веками, в песнях и хрониках? Одна только мысль об этом заставила уездного судью задрожать от возбуждения — ему хотелось немедленно начать действовать. К счастью, осталась хоть крупинка рассудка: он сдержал порыв и хрипло произнёс:

— Но ведь один кан стоит пять лян серебра — откуда я возьму такие деньги из казны? В Юйлине более десятка деревень, одиноких стариков — не счастье.

— Господин, — спокойно ответил Тан Шоу, — если ямен хочет устроить лежанки, необязательно покупать у нас готовые кирпичи. Можно организовать сбор и транспортировку самим. В столице глиняные кирпичи стоят ровно ничего — сколько ни сделай. Если задействовать казённую силу: служащие поедут, привезут, за счёт казны им оплатят дорогу и питание. Вернутся — и тогда уже попросят нас об установке. Тогда и заплатят только за труд, за работу. Не за материал. Разве это не разумно?

Вот именно. Таким способом можно сберечь немалую сумму, и тогда даже установка лежанок для всех одиноких стариков уезда окажется казне по силам.

— Если у ямена всё же возникнут трудности с финансированием, — продолжил Тан Шоу, — я готов снизить оплату за работу наполовину. Ведь это благое дело. Но вот совсем бесплатно — простите, даже если я и согласен, те, кто работает на установке, не согласятся. Они кормят семьи этим ремеслом. Если уйдут домой без единого медяка — как им жить? Как помогать другим, когда самому есть нечего?

Уездный судья рассмеялся, понимая, к чему клонит Тан Шоу. Всё ясно: и добродетель демонстрируется, и здравый расчёт на месте — двойная выгода. Он-то сам в итоге тоже получит славу доброго и заботливого чиновника.

— Сюн-эрлан, — с одобрением произнёс он, — неспроста говорят: если судьба не погубила в беде, значит, ждёт великое счастье. С таким супругом, как у тебя, твоя настоящая удача ещё впереди. — Затем с лукавой улыбкой добавил: — Так как же, Сюн-фулан? Что вы намерены делать? Насколько мне известно, секрет этого метода изготовления лежанок пока известен

только вам. Собираетесь ли вы передать его?

Улыбка Тан Шоу стала глубже, в ней сквозила лёгкая загадочность:

— Если это действительно поможет господину уездному судье продвинуться по службе, то, быть может, и стоит передать. Только, раз уж этот способ спасает жизни, разве не должен и простой человек вроде меня получить что-то взамен? Хотя бы имя. Слава. Чтобы в народе знали, откуда пришло это благо.

С этими словами Тан Шоу лукаво подмигнул:

— Если удостоюсь похвалы от самого императора — тогда, конечно, простой человек вроде меня с радостью передаст секрет обеими руками.

Это уже было прямое послание: ни уездному судье, ни другим чиновникам он этот способ просто так не отдаст. Но если придёт приказ от самого верха — с почестями, со славой — тогда, пожалуйста. Ведь он раскрывает свою главную тайну, отдаёт в чужие руки то, что может прокормить всю его семью на годы вперёд. Разве за это слишком просить хотя бы имя, хотя бы признание?

А признание от самого императора — это не просто слова. Это щит, защита. После такого даже самые безрассудные не посмеют бездумно ссориться с их домом. А если весть о его изобретении разлетится по всей стране, это не только укрепит его репутацию, но и приведёт новых заказчиков, новых торговых партнёров. Имя его семьи будет на слуху.

Их с уездным судьей взгляды встретились — молчаливый, но однозначный обмен, после которого стало ясно: с этого момента они союзники.

— Но если речь идёт о том, чтобы устроить каны для всего уезда, — заметил уездный судья, — только ваши два брата из семьи Сюн явно не справятся. Вы уже обдумали, что будете делать?

— Есть способ, — ответил Тан Шоу. — Только, возможно, придётся занять имя и авторитет ямена.

— Я собираюсь выбрать в деревне несколько человек с хорошей репутацией и передать им мастерство. Но не просто так — каждый из них должен будет заплатить мне по одному лянчу серебра в качестве платы за обучение и подписать соглашение о неразглашении. Распространять метод запрещено, пока я сам официально его не обнародую. Кроме того, будет чёткое условие: прежде чем принимать заказы от других, они должны сначала закончить работу по установке лежанок, порученную нам. Всё это будет прописано в контракте, с юридической ответственностью за нарушение.

— Таким образом, даже когда способ станет достоянием общественности, они ничего не

потеряют. Только на установке для одиноких стариков смогут не просто отбить вложенные деньги, но и заработать. А потом — брать заказы и продолжать зарабатывать. И при этом не возникнет ощущения, будто я обязан делиться, как само собой разумеющееся, не вырастут белоручки и неблагодарные выскочки.

— Сотрудничество с яменом, с его авторитетом — вот что даёт гарантию. Без него я бы и не рискнул учить других. Слишком велик был бы соблазн украсть метод и разболтать направо-налево. Но теперь, когда за моей спиной стоит власть, простые крестьяне не осмелятся на предательство.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся уездный судья. — Сюн-фулан, вы меня поражаете. Сюн-эрлану с вами поистине повезло — он будто сокровище нашёл. Слышал я раньше про вашу славу "улитки-фулана", но вот теперь вижу — она абсолютно заслуженная!

После того как всё было обговорено, они проводили уездного судью. А Тан Шоу, ликующий, словно на крыльях, шёл домой, чуть ли не пуская пузыри от удовольствия.

— Ну как, я крут, правда? — с самодовольной усмешкой воскликнул он. — Умудрился и помочь тем, кому хотел, и выгоду себе не упустил. Разве в этом мире есть другой такой добрый и прекрасный человек, как я? Для всех молодых господ я гроза, а для всех молодых девушек...

Слова "возлюбленный из снов" он вовремя прикусил, осознав, что перегнул, и бросил виноватый, умоляющий взгляд на Сюн Чжуаншаня.

Но тот отказался принимать извинения. Он решил, что Тан Шоу должен всем телом ощутить глубину своей ошибки и выразил это самым наглядным способом.

И уже в полусне, с дыханием, сбившимся от усталости, Тан Шоу услышал над ухом хриплый, низкий голос Сюн Чжуаншаня:

— Ни один шуаньэр, ни одна барышня не узнают, что такое настоящее... счастье.

Любовь между двумя «принимающими» счастья не приносит.

Что касается заказов на обустройство лежанок от ямена — семья Сюн в этом не участвовала. Они по-прежнему брали частные заказы. Пусть дороже, но знатные семьи с уезда всё равно обращались именно к ним. Те, кто работал по казённому заказу, неизвестно когда освободятся, может, только к следующей зиме. А ещё все понимали: ученик всё же остаётся учеником, а мастер — это мастер. Говорят, научишь ученика — сам с голоду помрёшь, но кто поверит, что мастер отдаст всё без остатка? Уж наверняка что-то припрятал, какой-то секрет оставил при себе. Вот и выходит: лежанка, сделанная мастером, греет лучше. А если и платят ему больше,

чем его ученикам — разве это не справедливо?

<http://bllate.org/book/13592/1205372>